Собеседник. — 1998. — № 19. — С. 10

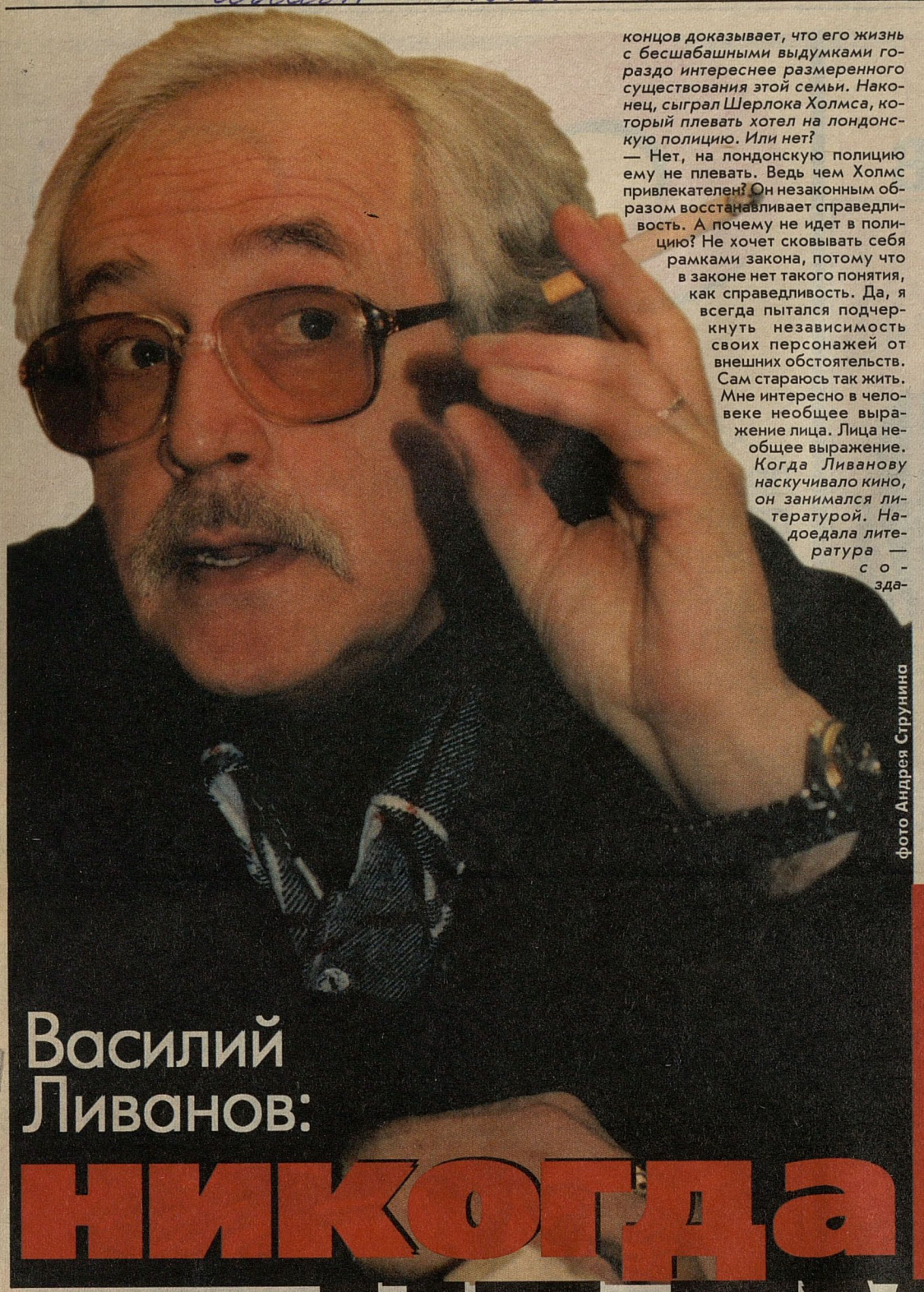

фото Андрея Струнина

Василий Ливанов: НИКОГДА НЕ БУДУ рекламировать УНИТАЗЫ

Отождествление Ливанова с Шерлоком Холмсом, мягко говоря, достало. Многие до сих пор уверены, что он курит трубку, просиживает вечера перед камином и играет на скрипке. И самое смешное, что кое-что из этого ряда соответствует действительности. «Курю трубку. И камин у меня есть, — говорит Ливанов. — Ну и что?» Тысячу раз он доказывал, что роль гениального сыщика — это не амплуа. Последняя же попытка избавиться от крахмальных воротничков английского джентльмена была предпринята не так давно — в этот раз Ливанов надеялся уйти от привычного всем образа при помощи фильма «Дон Кихот возвращается».

концов доказывает, что его жизнь с бесшабашными выдумками гораздо интереснее размеренного существования этой семьи. Наконец, сыграл Шерлока Холмса, который плевать хотел на лондонскую полицию. Или нет?

— Нет, на лондонскую полицию ему не плевать. Ведь чем Холмс привлекателен? Он незаконным образом восстанавливает справедливость. А почему не идет в полицию? Не хочет сковывать себя рамками закона, потому что в законе нет такого понятия, как справедливость. Да, я всегда пытался подчеркнуть независимость своих персонажей от внешних обстоятельств. Сам стараюсь так жить. Мне интересно в человеке необщее выражение лица. Лица необщее выражение. *Когда Ливанову наскучивало кино, он занимался литературой. Надоедала литература — создавал театр или озвучивал мультфильмы.*

— Но я не разрывался между кино и литературой. Всегда выбирал, заниматься ли мне театром, режиссурой или ролью в кино так, чтобы не насиловать себя.

— От денег вы тоже не зависите?

— Стараюсь. Были, конечно, времена, когда по всему дому в старых вещах рылись, чтобы наскрести на хлеб.

— Но после роли Холмса вас такие вещи, естественно, не тревожили?

— Как вам сказать... Я после этого фильма не очень-то и снимался — если не считать картины «Приключения Карика и Вали», — предлагали играть исключительно англичан, а меня это не устраивало. А после того, как сыграл Николая I в «Звезде пленительного счастья», превратился в штатного царя. И отбиться от этого очень трудно.

— Теперь будете играть рыцарей?

— Нет, не буду, моя радость. И потом, сейчас никто ничего не предлагает. Пришло новое поколение актеров — тусовочное. А я не люблю торчать вне своей профессии. Терпеть не могу. Я не удовлетворен нашими фильмами. Самостоятельности не хватает. Все вторично. Это подлаживание под рынок, что для меня отвратительно. Не то что я такой чистоплюй. Очень хорошо, что продается, но не до такой же степени. Покупаю фильмы, а потом расстраиваюсь. Скажем, «Сирота казанская». В фильме объясняется, что такое сирота казанская, но объясняется неверно. Сирота казанская означает «негодяй». А на экране этому дается идиотское какое-то объяснение.

Играют все понарошку. Мир понарошку, бандитов понарошку, любовь понарошку. Главное, чтобы было похоже на американское кино, а бедный наш народ это скушает. А народ не скушает — не такой он глупый. Добрый, но не глупый.

— Но большинству нравится.

— Нравится, потому что сегодня важно, чтобы зритель не думал. Пялился в экран и не думал. Я, например, пересмотрел огромное количество фильмов, но ничего не помню.

— «Титаник»-то посмотрели?

— Нет еще. Но, конечно, посмотрю — все-таки это моя профессия. Но я не предполагаю никаких неожиданностей. Сейчас у кино такие технические возможности, что они постепенно могут загубить человечество. Исчезнет самое главное: человечность, связь зрителя с происходящим на экране. Не надо никаких эффектов. Это пустота, за которой ничего не стоит...

«Не хочу ассоциироваться с кастрюлей и туалетной бумагой»

— А что же вас заставило сняться в рекламе?

— Было интересно. Реклама — это один из диктуемых временем жанров кино. Человек, который не владеет профессией, в рекламном ролике сняться не может.

— А как же девочки, которые прокладки рекламируют?

— Если девочки эти думают, что могут стать актрисами, то глубоко ошибаются. Их оправдывает только то, что им надо что-то кушать. Я вот рекламирую печенье. И то не от своего имени, а от имени Шерлока Холмса. Причем прекрасное английское печенье, вкусное. Мне интересно это делать, как интересно было работать в рекламе Лоуренсу Оливье, как Феллини было интересно рекламировать спагетти, а Сальвадору Дали придумывать рекламу шоколада.

— Тоже сами писали сценарий для рекламы?

— Я многое придумал.

— Рекламодатели сегодня прислушиваются к актерам?

— Если не будут прислушиваться, они будут снимать другого артиста... И плохое ничего рекламировать не буду. Я и печенье-то сначала все перепробовал, практически все сорта. Я не обману людей. Никогда не буду рекламировать кухонную утварь, унитазы. Даже если предложат миллионы, потому что после этого я буду ассоциироваться с кастрюлькой или туалетной бумагой.

— Вы часто летаете в Лондон. Это дань имиджу?

— Так совпало, что очень люблю этот город, а фирма, которую я рекламирую, чтобы отблагодарить за работу, иногда присылает мне ящик джина разных сортов и приглашает съездить в Лондон вместе с семьей. Вот я и пользуюсь.

— А что стало с вашим театром «Детектив»?

— Его разгромили эмвэдешники.

— Не пробовали воссоздать?

— Во-первых, я никогда не вхожу два раза в одну и ту же воду. Во-вторых, по горло сыт общением с властями. Коммунистическими, демократическими... Не знаю, какие хуже. Не могу решить. Я всего один раз перестал быть народом и стал начальником. Поганая должность. Начальник — это профессия. Мне пришлось просто играть в эту игру.

— Вписаться в ряды демократов...

— Нет. Демократам хоть трава не расти. Им не надо ни кино, ни театра, ни живописи...

— А по-моему, сейчас люди очереди выстаивают, чтобы в театр или кино попасть.

— Я говорю о демократическом строе, а вы мне — о людях. Люди всегда остаются людьми.

— Чем займетесь теперь? Кино, театром, литературой?

— Сейчас я буду писать книгу о моем друге Юлиане Семенове: на-

«Велик соблазн сделать счастливыми всех до одного»

— У меня, которого все воспринимают через призму Шерлока Холмса, был только один выход: сыграть роль, о которой мечтаешь.

— А почему именно Дон Кихот?

— Во-первых, тема вечная. Кто-то из умных мыслителей сказал: если бы от мировой литературы остался только этот роман, то, прочитав его, можно было бы составить представление обо всем человечестве. Во-вторых, показалось, что роль подходит мне по многим физическим данным: я уже вошел в тот возраст, когда ее можно играть. И потом, меня просто увлекал вопрос: в чем секрет долгожительства романа?

— Открыли секрет?

— Кажется, я догадался о замысле Сервантеса. Четыреста лет существования романа доказали, что Дон Кихот не умрет никогда. Потому что в каждом из нас велик соблазн сделать счастливыми всех до одного. Мы почему-то уверены, что знаем, как жить подруге или другу, что хорошо для жены, а что плохо. Начинаем тиранически восстанавливать свою точку зрения, забывая о том, что у людей может быть совершенно другое видение мира. Мы — люди, которые своевольно вмешиваются в живую ткань жизни, а это и есть чистой воды донкихотство.

— Думаете, люди могут жить вместе, не вмешиваясь в жизнь друг друга?

— По-разному можно вмешиваться: Иисус тоже вмешался в мир, но без насилия. Он предложил людям выбор.

— В фильме «Дон Кихот возвращается» снимались ваш сын и сын Джигарханяна. Решили дать им шанс?

— Да, решили — в кои-то веки мы могли сняться с сыновьями. Для них это была своего рода школа.

— Как для вас, скажем, чтение Толстого?

— Ну что Толстой? На фестивале литературы и кино в Гатчине мне подарили его полное собрание сочинений — в 90 томах, и я отдал их местной библиотеке.

— Не любите Льва Николаевича?

— Ну куда его девать? Библиотеке нужнее. А у меня есть шестнадцатитомник — пока хватает.

«Были времена, когда по всему дому рылись, чтобы наскрести на хлеб»

Всю жизнь Ливанов создавал героев необычных и независимых. Придумал Принцессу и Трубадура, которые вечно убегают от дворцовой роскоши, гениальных сыщиков и безмозглых королей. Озвучил Карлсона, маленького толстого человечка, который бесцеремонно вторгается в скучную жизнь четы Свантесон, переворачивая все вверх дном. И в конце

ступает возрастная пора воспоминаний.

— Стало модным писать мемуары.

— Вот и хорошо. Прошлое должно остаться для молодых. Плохо, когда пишут ради вранья или самооправданий.

— А к своей литературной деятельности вы сами как относитесь?

— Серьезно. Это одна из сторон моей жизни. Я член Союза писателей, и уровень моей литературы достаточно состоятелен. Конечно, я сделал в литературе меньше, чем хотелось бы.

— Мечтаете сделать больше?

— Я не мечтатель. Запрещаю себе это делать, потому что мечта — это состояние расслабления. А жизнь проходит. Надо хотеть, желать. Можно мечтать совершить нечто великое, но это требует сил. Как сказал мой покойный друг, великий режиссер Бондарчук: «Слава — это ряд непрерывных усилий».

Мария ШЕВЧЕНКО.

Ливанов Василий

1998